

18+

Ани Талан

Маска мести Искупление

Часть третья

Ани Галап

**Маска мести.
Искупление. Часть третья**

«Издательские решения»

Галап А.

Маска мести. Искушение. Часть третья / А. Галап —
«Издательские решения»,

Ночь тайного венчания. Кубок, в котором плескалась смерть, предназначенная одной, но выпитая другим. Ложь, ставшая второй кожей. И правда, что приходит слишком поздно — когда сердце уже не бьётся, а слова теряют смысл. Третья книга о том, как тени прошлого догоняют нас в самый неожиданный миг, и о том, что даже в потемках души остаётся свет, способный согреть тех, кто ещё дышит.

© Галап А.

© Издательские решения

Содержание

«Маска мести. Искупление»	6
Часть третья	7
Автор	7
Ани Галап	8
Пролог	9
Глава 1	10
«Неволя»	10
Глава 2	15
«Утро новых забот»	15
Глава 3	17
«Тени сгущаются»	17
Глава 4	19
«Встреча»	19
Глава 5	23
«Маска счастья»	23
Глава 6	29
«День обручения»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маска мести. Искупление. Часть третья

Ани Галап

© Ани Галап, 2026

ISBN 978-5-0070-8183-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-5853-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Маска мести. Искушение»

Часть третья

Автор

Ани Галап

Пролог

«Любовь и смерть — две вечные спутницы человеческой души. Они идут рядом, переплетаясь, как корни старого дерева, которое видело сотни зим и тысячи вёсен. Одна дарит жизнь, другая забирает. Но так ли это на самом деле?»

Смерть не крадёт любовь. Она лишь меняет её форму. Она превращает её из тепла объятий в свет воспоминаний, из шёпота в тишину, из присутствия — в вечность. Любовь не умирает вместе с телом. Она остаётся в воздухе, которым мы дышим, в снеге, который падает на землю, в звёздах, которые зажигаются в ночи.

Мы боимся смерти, потому что боимся потерять тех, кого любим. Но разве мы теряем их? Они уходят, но не исчезают. Они становятся частью всего, что нас окружает. Они становятся тихим ветром, который касается наших лиц. Они становятся лунным светом, который проникает в наши сны. Они становятся той тихой, невысказанной болью, которая живёт в самом сердце и напоминает нам, что мы умели любить.

И в этой боли — наша сила. В этой памяти — наше бессмертие.

Мы не умираем, пока живы те, кто нас помнит. Мы не исчезаем, пока наши слова звучат в чужих сердцах. Мы не уходим навсегда, пока наша любовь продолжает согревать тех, кто остался.

И, в конце концов, что остаётся у человека, кроме любви? Только она имеет значение. Только она переживает время. Только она дарит надежду, когда всё остальное потеряно.

Ибо в потёмках моей души я нашла не только тьму, но и свет. И этот свет я хочу подарить вам».

Глава 1

«Неволя»

Ночь, когда всё случилось, была самой долгой в жизни Фрады. Она не сомкнула глаз. Сидя на краю своей кровати, она всматривалась в темноту за окном, где ветер раскачивал голые ветви старых дубов, и их чёрные силуэты на фоне серого неба казались ей молящими руками мертвецов. В завываниях ветра ей слышались отголоски той ночи, которой она не видела, но ощущала каждой клеткой тела — холод, страх, нечто неотвратимое, что уже свершилось. Она не знала, что произошло, но знала — случилось нечто страшное. Нечто, что перевернёт их жизнь, расколет её на «до» и «после» как удар молнии раскалывает старое дерево.

Она ворочалась, прислушиваясь к каждому скрипу половиц, и думала о Лие — о её улыбке, которая, казалось, погасла ещё до того, как Фрада узнала о трагедии. Она думала о Нолане, о его преданной любви, которая была сильнее любых преград. И о Фриде — о той тьме, что росла в её душе, как сорняк, и, кажется, уже поглотила всё вокруг. Фрада чувствовала, что эта тьма не исчезла, она лишь затаилась, ожидая своего часа.

С первыми лучами солнца, когда бледный свет начал просачиваться сквозь щели в шторах, Фрада поднялась. Тело ныло от бессонницы, но она знала — надо идти. Надо найти Лию. Она оделась и вышла в коридор, где было тихо, как в склепе. Она направилась к комнате Лии, но там было пусто. Кровать аккуратно застелена, и лишь лёгкий беспорядок на стуле говорил о том, что хозяйка здесь была. Фрада обыскала дом, затем сад — пусто. Сердце заколотилось быстрее, в груди разрасталась тревога, липкая и холодная, как утренний туман.

Она побежала к часовне, надеясь застать Лию там, но нашла лишь Меера. Его лицо было серым, как камень, а руки дрожали, сжимая чётки. Он не молился — он просто сидел, уставившись в одну точку, и казалось, что его душа уже покинула тело, оставив лишь оболочку.

— Где Лия? — выдохнула Фрада, и голос её сорвался на хрип.

Меер поднял глаза, полные слёз, и молча указал на дверь, ведущую к кладбищу. Его жест был красноречивее любых слов. Фрада скорее побежала туда, не чувствуя ног, не замечая, как холодный ветер бьёт в лицо, как сырая земля хлюпает под сапогами.

Кладбище, когда она, наконец, добралась до него, было тёмным и безмолвным. Старые дубы стояли вдоль дорожки, и их голые ветви, казалось, тянулись к небу, как молящие руки. Могильные камни, покрытые мхом и лишайниками, стояли неровными рядами, и их надписи, стёртые временем, были едва различимы в тусклом свете, который едва пробивался сквозь тучи. В воздухе витал запах сырой земли, увядших листьев и той особенной, сладковатой прелости, которая бывает только на кладбищах. Тишина здесь была особенной — она была тяжёлой и давящей, как будто все, кто когда-либо был похоронен здесь, молчали, зная, что их покой не должен быть нарушен.

Фрада увидела её. Лия лежала на могиле Нолана, прижавшись щекой к свежему холмику, и её тело было неподвижным, как у мёртвой. Её платье было испачкано землёй и травой, а волосы, тёмные и блестящие, разметались по земле, как шёлк. Её лицо, бледное, как полотно,

было спокойным, как будто она просто спала. Фрада упала на колени рядом с ней, и её руки, дрожащие и холодные, коснулись плеча Лии.

— Лия, — прошептала она, и её голос был полон страха. — Лия, что с тобой? Ты меня слышишь? Проснись, пожалуйста, проснись!

Но Лия не отвечала. Её дыхание было слабым и прерывистым, как у человека, который находится на грани между жизнью и смертью. Фрада почувствовала, как её сердце забилося еще быстрее. Она не знала, что случилось, но чувствовала, что это было что-то ужасное.

Она подняла голову и увидела Меера, который от волнения кинулся за Фрадой, и вот уже стоял за её спиной. Он смотрел на них, и его глаза были полны слёз. Он опустился на колени рядом с ней, и его руки, дрожащие и холодные, легли на плечо Лии.

— Она жива, — сказал он, и его голос был тихим, но в нём слышалось облегчение. — Но она очень слаба. Мы должны отнести её в дом.

Они вдвоём подняли Лию, и её тело, лёгкое и хрупкое, было похоже на перо. Они несли её по дорожке, ведущей к поместью, и каждый шаг был похож на прощание. Ветер, который завывал вокруг, казался голосом самой смерти, которая звала к себе тех, кто был готов ответить на её зов. Но они не останавливались. Они должны были спасти её. Должны были вернуть её к жизни.

Они принесли Лию в её комнату и уложили на кровать. Фрада накрыла её тёплым одеялом, а Меер зажёл свечи, которые разогнали тьму, но не до конца — в углах всё ещё прятались тени. Они сели рядом с ней, и их лица были бледными и встревоженными. Они ждали, когда она очнётся, и каждый миг казался им вечностью.

Фрада сидела у изголовья, и её руки, дрожащие и холодные, сжимали руки Лии. Меер сидел в кресле у окна, и его глаза, серые и выцветшие, были полны той же боли, что и у неё. Он чувствовал, как его вина становится всё более осязаемой. Он знал, что должен был рассказать правду раньше. Он знал, что должен был остановить всё это. Но теперь было поздно.

Они сидели так долго, не говоря ни слова, и только ветер, который завывал за окнами, нарушал тишину. Они ждали, надеясь, что Лия очнётся. И когда она, наконец, открыла глаза, Фрада почувствовала, как волна облегчения накрывает её.

— Лия, — прошептала она. — Ты очнулась. Слава Богу, ты очнулась.

Лия посмотрела на неё, и в её глазах была та смесь боли и пустоты, которая появляется у людей, когда они теряют всё, что было им дорого. Она не сказала ни слова. Она просто смотрела в потолок, и её глаза были пустыми, как зимнее небо. Она не хотела жить. Она не хотела видеть этот мир, в котором больше не было Нолана.

Фрада сидела рядом с ней и чувствовала, как её душа разрывается на части. Она знала, что должна найти ответы. Она должна понять, что произошло. Она должна узнать правду о том, что случилось той ночью.

Прошло ещё несколько часов. Лия, обессиленная и опустошённая, снова закрыла глаза и уснула. Её дыхание стало ровным и глубоким, и Фрада поняла, что она может оставить её на время. Она поднялась и подошла к Мееру, который всё ещё сидел в кресле у окна.

— Меер, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Я должна поговорить с тобой. Нам нужно выйти. Я чувствую, что ты знаешь больше, чем говоришь. Пойдём в часовню. Там нас никто не услышит.

Меер поднял на неё глаза, и в его взгляде мелькнула тень понимания. Он кивнул и поднялся. Они вышли из комнаты Лии, оставляя её спать, и направились к часовне. Их шаги были тихими, как у людей, которые несут на своих плечах непосильную ношу.

Они вошли в часовню, и Меер закрыл за ними дверь. Внутри было тихо и пусто. Свечи, которые горели у алтаря, уже почти догорели, и их свет, тусклый и мерцающий, создавал причудливые тени на стенах. Они присели на скамью у святых образов.

— Меер, — сказала Фрада, и её голос дрожал. — Что случилось? Где Нолан? Что произошло с Лией? Ты должен сказать мне правду.

Меер поднял голову, и его глаза были полны слёз. Он смотрел на неё, и в его взгляде была та глубокая, тихая печаль, которая появляется у людей, когда они видят, как их мир рушится.

— Нолан мёртв, — сказал он, и его голос был едва слышен. — Он умер прошлой ночью. Он выпил яд, предназначенный для Лии. Фрида хотела убить её, но Нолан случайно выпил яд вместо неё.

Фрада почувствовала, как земля уходит из-под её ног. Она отшатнулась, и её лицо побледнело.

— Что ты говоришь? — прошептала она. — Как это могло случиться? Почему Фрида хотела убить Лию?

Меер закрыл глаза, и его голос дрожал, когда он заговорил.

— Фрида хотела, чтобы Нолан любил её. Она вызвала Азраэля и заключила с ним сделку. Она хотела, чтобы Нолан разлюбил Лию. Но он не разлюбил её. Он любил её до самого конца. И когда Фрида поняла, что не может получить его любовь, она решила убить Лию. Но Нолан выпил яд вместо неё. Он умер на её руках, и Азраэль забрал его душу.

Фрада смотрела на него, и в её душе была смесь боли и гнева. Но один вопрос мучил её больше всего.

— Как Лия вообще оказалась в часовне ночью? — спросила она, и её голос дрожал. — Я знаю, что она была там с Ноланом. Я видела, как они уходили туда. Что они там делали?

Меер закрыл глаза, и его голос был полон той же боли, что и у неё.

— Они пришли ко мне, чтобы тайно обвенчаться, — сказал он, и его слова были похожи на удар ножа по её душе. — Они хотели быть вместе, вопреки воле Маккены. Я должен был сделать это. Я не мог отказать им. Они любили друг друга так сильно, что были готовы на всё.

— Ты венчал их? — прошептала Фрада. — Ты венчал их, зная, что это может разрушить всё?

— Я венчал их, потому что они любили друг друга, — сказал Меер, и его голос был полон отчаяния. — Я не знал, что Фрида задумала. Я не знал, что она хочет убить Лию. Я узнал только тогда, когда было уже слишком поздно.

Фрада стояла неподвижно, и в её душе была та холодная, ледяная пустота, которая появляется у людей, когда они понимают, что их действия привели к трагедии. Она знала, что должна сделать что-то. Она должна защитить Лию. Она должна сказать ей правду. Но она также знала, что правда может разрушить её окончательно.

— Я скажу ей, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Но не сейчас. Она не выдержит этого. Сейчас ей нужен покой.

Меер кивнул, и его глаза были полны благодарности.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Я знаю, что это трудно. Но она должна узнать правду. Когда она будет готова.

Фрада вышла из часовни, и её шаги были тяжёлыми, как у человека, который несёт на своих плечах огромный груз. Она знала, что должна вернуться к Лие, но что-то заставило её остановиться. Её взгляд упал на дорожку, ведущую к кладбищу. Она не могла удержаться. Она должна была увидеть его могилу снова. Должна была попрощаться.

Она свернула с дорожки и пошла к кладбищу. Её шаги были медленными и неуверенными, как у человека, который боится того, что увидит. Она подошла к свежей могиле у старого дуба и опустилась на колени. Земля была влажной и холодной, и она чувствовала, как её слёзы падают на неё.

— Нолан, — прошептала она, и её голос был полон той боли, которую она не могла выразить словами. — Почему ты ушёл так рано? Я знаю, что ты любил Лию. Ты любил её до самого конца. И я обещаю тебе, что я позабочусь о ней. Я не позволю ей сломаться.

Она сидела так долго, не шевелясь, и только ветер, завывающий вокруг, нарушал тишину. Когда она, наконец, поднялась, её глаза были красными от слёз, но в её душе была та твёрдая решимость, которая появляется у людей, когда они знают, что должны жить дальше.

Вернувшись в дом, она зашла в комнату Фриды. На столе лежала та самая книга — старая, чёрная, с пульсирующей тёмной энергией, которую Фрида, стремясь скорее покинуть дом, забыла. Фрада взяла книгу и отнесла её в спальню ещё спящей Маккены, где, тихонько прокравшись, спрятала в сундук, стараясь не шуметь. Она знала, что эта тайна теперь будет лежать на её совести, и что когда-нибудь она может всплыть, но сейчас это был единственный способ защитить Лию.

Когда она вернулась к ней, та всё ещё лежала неподвижно. Фрада села рядом, взяла её за руку и прошептала:

— Ты не одна. Я здесь. Я всегда буду здесь, что бы ни случилось.

И в этой тишине, нарушаемой лишь дыханием Лии, Фрада поклялась себе, что сделает всё, чтобы её защитить.

Глава 2

«Утро новых забот»

Утро того же дня уже набирало силу, когда в доме началась привычная суета. Солнце, хоть и скрытое за пеленой облаков, поднялось выше, заливая мир холодным, рассеянным светом. Слуги сновали по коридорам, их шаги отдавались эхом в тишине, а в столовой звенела посуда — накрывали завтрак. В каминах потрескивали дрова, и их тепло смешивалось с запахом свежего хлеба и жареного мяса. Жизнь шла своим чередом, словно ночная трагедия была лишь дурным сном, который вот-вот рассеется. Но Фрада знала — это не сон. Это реальность, и она должна была с ней жить.

Она стояла у окна в своей комнате, глядя на серый сад, где ветер качал голые ветви, и чувствовала, как усталость давит на плечи. Она знала — надо держаться. Ради Лии. Ради тех, кто остался. Она переоделась и спустилась в столовую, где Маккена и Никанор уже завтракали. Её лицо было бледным, а глаза — красными от бессонницы, но она старалась улыбаться, хотя улыбка выходила натянутой, как струна.

— Доброе утро, — сказала она, садясь за стол.

— Ты выглядишь уставшей, — заметила Маккена, отпивая чай из тонкой бронзовой чашки. — Плохо спала?

— Бессонница, — коротко ответила Фрада, отводя взгляд. — Ничего страшного.

— А где Лия? — спросила Маккена, оглядываясь. — Она обычно завтракает с нами. Я не видела её сегодня.

Фрада почувствовала, как внутри всё сжалось. Она должна была придумать что-то правдоподобное, чтобы не выдать правду.

— Она неважно себя чувствует, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сказала, что побудет в комнате. Я принесу ей завтрак позже.

Маккена нахмурилась, но не стала настаивать. Она знала, что Лия переживает из-за отказа Нолану, и считала, что время — лучший лекарь. В конце концов, она сама когда-то теряла любимых и знала, что боль уходит, оставляя лишь шрамы. Она не могла предположить, что на этот раз всё гораздо серьезнее.

Никанор отложил вилку и посмотрел на жену. В его глазах была та спокойная уверенность, которая всегда появлялась у него, когда он чувствовал, что нужно принять важное решение.

— Нам нужно поговорить о Лие, — сказал он тихо. — О её будущем. Она не может вечно прятаться в своей комнате.

Маккена кивнула, и в её глазах зажглась решимость. Она знала, что это будет трудно, но она была готова.

— Я думаю, что мы должны ускорить сватовство, — сказала она, и голос её стал твёрже. — Лия уже знает Мелетия, но им нужно встретиться официально. Она должна понять, что этот брак — правильный выбор для неё. Это её шанс на новую жизнь.

Фрада сжала чашку так, что побелели костяшки. Она хотела крикнуть, что Лия не может выйти замуж за Мелетия, что она только что потеряла Нолана, что она не готова к новой жизни, что её душа разбита вдребезги. Но она промолчала. Она не могла сказать правду.

— Когда? — спросила она, и голос её прозвучал глухо, как из-под воды.

— Через несколько дней, — ответила Маккена. — Мы пригласим Ираиду и Мелетия на обед. Лия должна быть там. Это важно для её будущего.

Завтрак закончился, и Фрада поднялась, чувствуя, как тяжесть еще сильнее ложится на её плечи. Она знала, что должна сказать Лие о предстоящем событии, но не представляла, как это сделать. Она подошла к комнате Лии и застала её в том же положении — лежащей с пустым взглядом в потолок. Она села рядом, взяла её руку.

— Твои родители хотят устроить сватовство, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Мелетий приедет через пару дней.

Лия не ответила. Даже не моргнула. Фрада сжала её пальцы.

— Я знаю, что ты не хочешь этого. Но ты должна показать, что ты жива. Хотя бы ради того, чтобы они оставили тебя в покое. Ты должна держаться.

В глазах Лии мелькнула тень — не надежды, а боли. Она медленно закрыла глаза, и по её щеке скатилась слеза. Фрада обняла её, чувствуя, как та беззвучно рыдает, и поняла, что слова здесь бессильны. Она могла лишь быть рядом, пока этот кошмар не закончится.

За окном день набирал обороты, а в доме готовились к сватовству, не зная, что в душе Лии разворачивается своя трагедия.

Глава 3

«Тени сгущаются»

Три дня минуло с того утра, когда Фрада нашла Лию на могиле Нолана. За это время девушка ни разу не покинула свою комнату. Она не выходила к завтраку, не гуляла в саду, не сидела у окна с книгой — просто лежала на кровати, глядя в одну точку. Её глаза, когда-то живые и сияющие, теперь напоминали пустые зеркала, в которых отражалась лишь бездна. Она не говорила, не плакала, не просила о помощи. Она словно ушла в себя, оставив в этом мире лишь оболочку, и эта пустота пугала Фраду больше, чем, если бы Лия кричала и рыдала.

Фрада была с ней, приносила еду, которую Лия не трогала. Садилась рядом, говорила тихие слова, но они повисали в воздухе, не находя отклика. Казалось, душа Лии уже покинула тело, и в нём осталась лишь тень, которая ещё дышит, но уже не живёт. Фрада знала, что время не лечит — оно лишь притупляет боль, но здесь боль была слишком глубокой, чтобы её можно было заглушить простым ожиданием.

Маккена сначала не придавала этому значения. Она знала, что Лия переживает из-за отказа Нолану, и считала, что дочери просто нужно время, чтобы смириться с неизбежным. Она сама когда-то теряла любимых и знала, что боль со временем утихает, оставляя лишь шрамы. Но когда прошло три дня, а Лия так и не показалась на глаза родителей, тревога закрадась в её сердце. Она не могла понять, почему дочь так долго не выходит из комнаты, и это беспокоило её всё сильнее.

Она подстерегла Фраду в коридоре, когда та спускалась за очередной порцией бульона для Лии. Взгляд Маккены был жёстким, но в нём читалось беспокойство, которое она пыталась скрыть.

— Что происходит с Лией? — спросила она без предисловий, и голос её звучал резче, чем она хотела. — Она уже три дня не выходит из комнаты. Это не похоже на неё.

Фрада почувствовала, как внутри всё сжалось. Она ждала этого вопроса, но каждый раз, когда он звучал, ей казалось, что земля уходит из-под ног. Но она должна была солгать.

— Она всё ещё не оправилась, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Ей нужно время, чтобы прийти в себя.

— Время? — Маккена нахмурилась, и в её голосе послышалась сталь. — Но сколько ещё? Сватовство совсем скоро. Она должна быть готова. Я не могу отменить его.

— Я знаю, — Фрада опустила глаза, чувствуя, как горечь разливается по горлу. — Но она не может просто взять и переключиться. Она любила его. И эта любовь не проходит за несколько дней.

— И я любила, — сказала Маккена, и в её голосе послышалась глухая боль, которую она редко показывала. — Но я выжила. И она выживет. Она должна. Это ради её же блага.

Фрада ничего не ответила. Она знала, что спорить бесполезно. Маккена уже приняла решение, и ничто не могло изменить его. Она лишь кивнула и пошла дальше, к комнате Лии, чувствуя, как каждый шаг даётся с трудом.

Между тем в доме вовсю кипела подготовка к сватовству. Слуги драили подсвечники, натирали до блеска серебряные блюда, расставляли мебель в гостиной. Маккена лично следила за каждым шагом, подгоняя и поправляя — она хотела, чтобы всё было безупречно. Ираида и Мелетий должны были увидеть, что их будущая родственница живёт в достатке и порядке, что брак будет выгоден для обеих семей. Маккена не думала о том, что сама Лия может не хотеть этого, что её сердце разбито, и что этот брак может стать для неё не спасением, а новой тюрьмой. Она считала, что знает, что для неё лучше.

Никанор не вмешивался. Он видел, как Маккена мечется по дому, и понимал, что ею движет страх — страх за будущее Лии, за её безопасность. Он не разделял её уверенности, но и не перечил. Иногда он ловил себя на мысли, что всё это может обернуться бедой, но отмахивался от этих сомнений, убеждая себя, что Маккена права.

В то же время в комнате Лии царила тишина, нарушаемая лишь её дыханием. Она лежала на кровати, глядя в потолок, и перед её глазами проносились картины прошлого: сад, дуб, руки Нолана, его глаза, его голос. Она слышала его шёпот, его смех, его слова любви, и каждый раз, когда она закрывала глаза, она видела его. Он был с ней, но его не было. И эта мысль разрывала её изнутри, оставляя лишь пустоту, которую ничто не могло заполнить.

Фрада сидела рядом, молчала. Она знала, что слова уже не имеют силы. Она могла лишь быть рядом, чувствуя, как её собственная душа разрывается от боли за ту, что лежала перед ней. Иногда она брала Лию за руку, и та не отстранялась, но и не отвечала на прикосновение. Рука оставалась холодной и безжизненной, как у статуи.

— скоро придет Мелетий, — тихо сказала Фрада, глядя на неё. — Твоя мать хочет, чтобы вы встретились. Я не позволю им заставить тебя, но ты должна показать, что ты жива. Хотя бы ради того, чтобы они оставили тебя в покое.

Лия медленно повернула голову. Она посмотрела на Фраду, и губы её дрогнули, но она не произнесла ни слова. Она снова отвернулась к стене, и тишина вернулась, став ещё более тягучей и беспросветной.

Вечером в доме пахло свежим хлебом и жареным мясом. Гостиная сияла чистотой, стол был накрыт белой скатертью, на которой поблёскивали хрустальные бокалы и серебряные приборы. Маккена ещё раз обошла всё и осталась довольна. Она подошла к окну и посмотрела на сад, где ветер качал ветви. Вдали, в тени старого дуба, ей почудилась чья-то фигура. Она пригляделась, но там никого не было. Она вздохнула и отвернулась, решив, что это просто игра света и теней. Наверное, просто показалось.

В доме зажглись свечи, и их золотистый свет разогнал сумерки. Завтра должен был наступить важный день. Но никто не знал, что он принесёт, и какие тени он откроет.

Глава 4

«Встреча»

День сватовства выдался на редкость неудобным — даже для поздней осени. Ветер, до этого прятавшийся за тучами, теперь рвал голые ветви, сбрасывая с них последние листья, и те, сухие и ломкие, с шорохом скребли по камням садовых дорожек. Небо, плотное и низкое, казалось, нависало над домом, как мокрая простыня. Внутри же, напротив, всё дышало суетой, приторной и почти липкой: слуги носились с тарелками, пахло сдобой, жжёным сахаром и воском — кто-то слишком долго держал свечу над подсвечником, и жёлтая капля застыла некрасивым натёком на серебре. Маккена, проходя мимо, поморщилась, но не стала передёргивать — времени не было.

Фрада застыла у окна в своей комнате, глядя на сад. Она не могла отделаться от чувства, что этот день — как плохо сколоченный стул: кажется, что стоит, но в любой момент может развалиться. Она слышала, как хлопает входная дверь — прибыли гости. Слышала голос Ираиды — низкий, уверенный, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который привык говорить на торгах. И смех Мелетия — вежливый, рассчитанный, как нота в заученной мелодии.

Она пошла к Лие.

Лия стояла перед зеркалом, и её отражение казалось Фраде чужим, словно она смотрела не на девушку, а на её тень, которая почему-то обрела плоть. Лия была одета в платье цвета сухой красной глины, с высокой талией, которая делала её фигуру ещё более хрупкой, почти болезненной. Волосы, туго стянутые в узел, открывали бледную шею, и та казалась такой тонкой, что, казалось, её можно переломить одним движением. Глаза Лии смотрели в зеркало, но не видели себя.

— Ты готова? — спросила Фрада, хотя знала ответ.

Лия кивнула. Едва заметно, как будто её голова была слишком тяжёлой для этого движения. Она не сказала ни слова. Она вообще почти не говорила в последние дни, и каждое её молчание было тяжелее, чем крик.

Фрада взяла её за руку — холодную, как мрамор. Пальцы Лии дрогнули, но не сжались в ответ. Они вышли в коридор, и там пахло уже не сдобой, а чем-то сладковато-пряным — духи Ираиды, густые, с ноткой пачули. Этот запах, казалось, заполнял всё пространство, въедался в обои, в дерево, в ткань занавесок, и Фрада почувствовала, как от него начинает слегка кружиться голова.

В гостиной было шумно. Маккена, раздумываясь от беготни, хлопотала у камина, поправляла свечи, улыбалась слишком ярко, слишком напряжённо. Никанор стоял у окна, заложив руки за спину, и его лицо было сосредоточенным, как у человека, который наблюдает за игрой. Ираида уже сидела в кресле — прямая, как струна, в тёмно-зелёном шёлке, и её руки в перстнях лежали на подлокотниках, как вещи, выставленные на аукцион. Она улыбалась. Но глаза у неё были как у куклы — красивые, стеклянные, ничего не отражающие.

Мелетий стоял рядом с матерью. Он был высок, строен, одет в синий камзол с серебряным шитьём, который при каждом движении искрил, как рыба чешуя. Его лицо было правильным, почти скучным — такие лица рисуют на старых полотнах, чтобы они не отвлекали от истории. Но глаза его были живыми. Слишком живыми. Они скользнули по Лие, остановились на её лице, на её руках, на её платье, и Фрада увидела в них то же самое, что видела в глазах Ираиды: оценку. Вес. Цену.

— Лия, — сказала Маккена, подходя к дочери и беря её за локоть. — Мелетий, позволь представить тебе мою дочь.

Мелетий шагнул вперёд и поклонился. Изящно, с лёгкой грацией, которая, казалось, была отретпетирована до мельчайших движений. Он взял руку Лии и поднёс к губам — прикосновение было сухим и быстрым, как укол булавки.

— Я много слышал о вас, — сказал он, и голос его был ровным, без единой эмоции. — Ваша репутация опережает вас.

— Неужели? — ответила Лия. Голос её звучал глухо, как из пустого колодца. — И что же вы слышали?

Фрада замерла. В этом вопросе не было вызова, не было любопытства — была только усталость, бесконечная и глубокая, как осенняя лужа. Она смотрела, как Мелетий слегка прищурился, и в этом прищуре ей почудилась нотка раздражения. Ему не понравилось, что Лия не сыграла по его нотам. Что она не улыбнулась, не покраснела, не опустила глаз. Он привык к другому приёму.

— Что вы красивы, — сказал он, но в голосе его прозвучала лёгкая фальшь, как будто он произносил заученную фразу, которая уже примелькалась. — И что у вас доброе сердце.

Лия посмотрела на него. В её взгляде не было ни благодарности, ни злости — только пустота. Она повернулась и отошла к окну, где свет был чуть ярче, и там замерла, глядя на сад, на голые деревья, на серое небо. Ей казалось, что там, за стеклом, есть хоть что-то настоящее.

Фрада перевела взгляд на Маккenu. Та стояла с Ираидой, и они о чём-то тихо говорили, их головы склонялись друг к другу, как у двух торговек, обсуждающих цену товара. Маккена кивала, улыбалась, и Фрада видела, как она сжимает в руке платок — нервно, часто, как будто пыталась удержать что-то, что выскальзывало.

Обед был сервирован в столовой. Стол был накрыт так, как будто ждали два десятка гостей: белая скатерть, столовое серебро, хрусталь. Фрада села так, чтобы видеть Лию. Та сидела напротив Мелетия, и её руки лежали на коленях — безжизненные, как забытые вещи. Она почти не ела, только иногда двигала вилкой по тарелке, чертя круги в соусе.

Мелетий говорил много. Рассказывал о своих поездках — о горах, о море, о чужой торговле, где всё подчиняется золоту, а не чести. Голос его лился ровно, без пауз, и Фрада заметила, что он ни разу не спросил Лию о её жизни. Он говорил для неё, но не с ней.

— Я всегда считал, — сказал он, отпивая вино, — что брак — это партнёрство. Две семьи, два дела, две дороги, соединяющиеся в одну. Не так ли, госпожа Маккена?

Маккена закивала, слишком быстро, слишком одобрительно. Фрада видела, как её пальцы снова сжали платок.

— Безусловно, — ответила Маккена. — Взаимная выгода — это основа прочного союза.

— И любви, — добавил Мелетий, и его улыбка стала чуть шире. — Разумеется, любви тоже.

Он посмотрел на Лию. Та не подняла головы. Она продолжала чертить круги в соусе, и её движения были механическими, как у часового механизма, который завели и забыли.

Обед тянулся долго. Фрада считала минуты, смотрела на часы над камином — они тикали громко, слишком громко, как маятник, который отсчитывал не время, а муку. Она заметила, как Никанор, сидевший напротив неё, всё чаще отводил взгляд, как будто ему было неловко смотреть на Лию. Как Маккена, наоборот, смотрела на неё слишком пристально, пытаясь поймать хоть искру, хоть движение, которое сказало бы, что всё идёт по плану.

Но Лия была пуста.

Когда обед закончился, Маккена предложила прогуляться по саду. Лия поднялась, и Фрада видела, как её ноги слегка дрогнули — она была слаба, как цветок, который держат на нитке. Мелетий подошёл к ней и протянул руку, но Лия не взяла её. Она пошла вперёд, сама, и её шаги были ровными, но слишком медленными, как будто она несла на плечах что-то невидимое, тяжёлое.

В саду ветер был холодным и резким. Он бил в лицо, разносил сухие листья, щипал глаза. Фрада осталась на крыльце, глядя, как Мелетий и Лия идут по аллее. Он что-то говорил, жестикулировал, но она шла молча, чуть впереди. Она не оборачивалась. Её платье трепетало на ветру, и в этом трепете было что-то странное — будто оно пыталось улететь, оторваться от неё, как последняя надежда.

Когда они вернулись, Лия была такой же — безмолвной, опустошённой. А Мелетий улыбался, но в его улыбке Фрада увидела нечто другое: разочарование. Он не получил того, что хотел. Он не получил её интереса. Но он был терпелив — это читалось в его глазах, в том, как он сжал зубы, когда попрощался с Маккеной, как его пальцы дрогнули, когда он касался руки Лии на прощание.

— До скорой встречи, — сказал он, глядя на Лию.

Та не ответила. Она стояла у двери, и её лицо было как маска, под которой ничего не было.

Когда гости уехали, дом выдохнул. Маккена опустилась в кресло, и её лицо вдруг стало уставшим — она выглядела так, как будто пробежала по крутым ступеням. Никанор молчал. Фрада стояла у лестницы, глядя, как Лия поднимается наверх, шаг за шагом, держась за перила, словно боялась упасть.

Она не обернулась. Она просто исчезла в полумраке второго этажа, и Фрада поняла: этот день стал ещё одним шагом к пропасти. К чему-то, что она не могла остановить.

Она не пошла за ней. Она осталась внизу, в пустой гостиной, где пахло угасающим воском, дымом свечей и чужими духами. Звук кареты за окном стих, и в доме воцарилась та особенная тишина, которая бывает только после ухода гостей — пустая, почти осязаемая, как невысказанные слова.

Глава 5

«Маска счастья»

Утро, когда Лия должна была в последний раз примерить свадебное платье, началось с того, что она долго стояла у окна, глядя на сад, которого почти не видела. За стеклом клубился туман, такой плотный, что ветки старых дубов казались призрачными руками, тянущимися к небу. Воздух был сырым и холодным, и даже в комнате, где топили камин, чувствовалась эта осенняя промозглость, которая пробиралась под кожу. Лия была одета в простую ночную рубашку, и её волосы, непривычно распущенные, падали на плечи тяжёлой тёмной волной. Она не смотрела на своё отражение в стекле — она смотрела сквозь него, туда, где когда-то были они. Где был он. Где была та жизнь, которую у неё отняли, даже не спросив, хочет ли она жить дальше.

Когда вошла Фрада, Лия не обернулась. Она знала, что это она, по шагам — мягким, но настойчивым, по тому, как дверь приоткрылась и закрылась без скрипа. Фрада умела входить так, чтобы не нарушать чужую тишину.

— Платье привезли, — сказала Фрада, и голос её звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение. — Оно висит в твоей гардеробной. Я посмотрела — работа хорошая. Жемчуг настоящий.

Лия не ответила. Она продолжала смотреть в окно, и её пальцы слегка касались стекла, оставляя на нём влажные следы.

— Я знаю, что ты не хочешь, — продолжала Фрада, делая шаг вперёд. — И я знаю, что ты не можешь отказаться. Но я хочу, чтобы ты знала: я рядом. Что бы ни случилось.

— Ты уже говорила это, — тихо сказала Лия. — И я тебе верю. Но это не меняет того, что завтра я стану женой человека, которого не люблю.

Она повернулась, и Фрада увидела её лицо — бледное, спокойное, как маска. В глазах не было слёз, не было боли, не было ничего. Только пустота, которая была страшнее любых эмоций.

— Он будет хорошим мужем, — сказала Фрада, но в голосе её не было убеждённости. Она просто произносила слова, потому что должна была что-то сказать.

— Хорошим, — повторила Лия, и в этом слове было столько горечи, сколько не бывает в самых горьких слезах. — Он будет хорошим. А я буду хорошей женой. Я буду улыбаться, подавать ему чай, слушать его рассказы о торговле. Я буду рожать ему детей. Мы будем жить в этом доме, спать в одной постели. И каждый день я буду умирать по кусочку, пока от меня ничего не останется.

Она замолчала и снова повернулась к окну. Фрада стояла за её спиной, чувствуя, как её собственное сердце сжимается от этих слова.

Через час Лия стояла перед зеркалом в белом платье. Жемчуг на корсете тускло поблёскивал в свете, как слёзы, застывшие на ткани. Лия не чувствовала себя невестой. Она чувствовала себя актрисой, которой сказали играть роль, но забыли дать слова.

Она провела пальцами по кружеву, и вдруг перед глазами всплыла другая картина: та ночь в часовне, свечи, Нолан, его руки, его глаза. Она тогда была в простом белом платье, которое выбрала сама — без жемчуга, без вышивки, без лишнего блеска. Оно было лёгким, почти невесомым, как крыло бабочки. Она помнила, как он посмотрел на неё, когда она вошла, и в его взгляде было столько любви, что она не могла дышать.

Она закрыла глаза, и на мгновение ей показалось, что она снова там. В той часовне. В том платье. С ним.

— Лия? — голос Фрады вернул её в реальность. — Ты в порядке?

Лия открыла глаза и посмотрела на своё отражение. Жемчуг на этом платье казался ей не украшением, а каплями воды, которые вот-вот стекут вниз.

— Это платье — как саван, — тихо сказала она. — Это — не моё. Это — его.

Она не уточнила, чьё, но Фрада поняла: оно принадлежало Мелетию, его матери, их планам, их деньгам, их миру, в котором для Лии не было места.

Фрада подошла ближе и поправила складку на рукаве. Её пальцы дрожали, но она не пыталась это скрыть. Она села на край кровати и посмотрела на Лию. Та стояла неподвижно, и только её глаза — тёмные, глубокие, бездонные — выдавали ту бурю, что бушевала внутри.

— Ты знаешь, что не хочешь этого, — сказала Фрада. — И я не буду тебя уговаривать. Я просто хочу, чтобы ты знала: если ты скажешь «нет», я помогу тебе уйти.

Лия покачала головой.

— Если я уйду, меня найдут. А если меня найдут, меня вернут. А если меня вернут, меня заставят. И тогда у меня не будет даже этой капли выбора. По крайней мере, сейчас я могу выбрать — как именно я буду играть свою роль.

Она снова посмотрела в зеркало, но теперь она видела не себя, а ту, другую Лию — ту, которая стояла в часовне в простом белом платье. И на мгновение ей показалось, что та Лия улыбается ей. Но это была только игра света.

Фрада сжала её руку. Пальцы Лии были холодными, как лёд, но она не отдернула их.

— Ты не одна, — сказала Фрада. — Я буду рядом. Что бы ни случилось.

— Знаю, — тихо ответила Лия. — Ты — моя единственная нить. Если ты оборвёшься, я упаду.

День тянулся медленно, но к вечеру в доме снова появилась суэта. Лия слышала, как внизу хлопнула входная дверь, как раздались голоса, как шаги застучали по лестнице. Она не обернулась, когда дверь её комнаты приоткрылась.

— Лия, — голос Маккены звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение. — Мелетий приехал. Он хочет увидеть тебя перед завтрашним днём. Он привёз подарки.

Лия медленно повернулась. Её лицо было спокойным, как гладь застывшей воды. Она не сказала ни слова, просто кивнула и направилась к двери. В коридоре горели свечи, и их свет делал тени на стенах длинными и дрожащими.

Мелетий ждал её в гостиной. Он стоял у камина, и в его руках была небольшая шкатулка, отделанная перламутром. Когда Лия вошла, он улыбнулся — той вежливой, отрепетированной улыбкой, которая, казалось, была его второй кожей.

— Лия, — сказал он, делая шаг навстречу. — Я хотел увидеть вас перед завтрашним днём. Я знаю, что это было нелегко для вас — все эти приготовления, все эти хлопоты. Но я хочу, чтобы вы знали: я сделаю всё, чтобы вы были счастливы.

Лия остановилась перед ним, и её руки безжизненно висели вдоль тела. Она смотрела на него, и в её взгляде не было ни тепла, ни холода — только пустота.

— Вы очень добры, — сказала она, и голос её звучал ровно, как у человека, который давно забыл, что значит чувствовать.

Мелетий протянул ей шкатулку.

— Это вам. В знак моей любви и уважения.

Лия взяла шкатулку. Её пальцы дрогнули, но она открыла её. Внутри, на бархатной подушке, лежало ожерелье — золотое, с крупным сапфиром, который поблёскивал в свете свечей. Камень был тёмным, почти чёрным, и в его глубине, казалось, мерцала звезда. Он был красив — той холодной, бездушной красотой, которая не трогает сердце, а только давит на него своей тяжестью. Лия смотрела на него, и в её голове снова пронеслась та ночь в часовне. Нолан не дарил ей драгоценностей. Он дарил ей своё сердце. И это было дороже любых камней.

— Оно прекрасно, — сказала Лия, и в голосе её не было радости. Она закрыла шкатулку и опустила руки.

— Я надеюсь, что вы наденете его завтра, — сказал Мелетий, и в его голосе послышалась лёгкая нотка настойчивости. — Оно подчеркнёт вашу красоту. Я хочу, чтобы все видели, какой драгоценностью вы станете для меня.

Лия посмотрела на него, и на мгновение ей показалось, что она видит его настоящего — того, кто прячется за этой маской учтивости и доброжелательности. Она увидела в его глазах нечто холодное, расчётливое, почти хищное. Но она не стала всматриваться. Она устала. Она слишком устала, чтобы бояться.

— Я надену его, — сказала она.

Мелетий улыбнулся шире и наклонился, чтобы поцеловать её руку. Его губы коснулись её кожи — сухие, холодные. Лия почувствовала, как по спине пробежал озноб, и ей захотелось отдернуть руку, но она не сделала этого. Она стояла неподвижно, как статуя, и ждала, когда он уйдёт.

Когда шаги его затихли на лестнице, Лия осталась стоять в гостиной, держа в руках шкатулку. Она смотрела на неё, но не видела. Она видела только тот сапфир — тёмный, глубокий, как бездна, в которую она падала уже несколько дней.

Фрада вошла тихо, почти беззвучно.

— Он уехал, — сказала она.

Лия не обернулась. Она положила шкатулку на стол и медленно провела пальцем по её крышке.

— Он привёз мне ожерелье, — сказала она. — Сапфир. Он сказал, что оно подчеркнёт мою красоту.

— Ты наденешь его? — спросила Фрада, и в голосе её звучала тревога.

— Надену, — ответила Лия. — Надену всё, что они скажут. Сделаю всё, что они скажут. А потом умру.

Фрада подошла к ней и взяла её за руку. Пальцы Лии были холодными, как лёд.

— Ты не умрёшь, — сказала она. — Ты будешь жить. Ты должна жить. Ради него.

Лия подняла на неё глаза, и в них мелькнула искра — не надежды, а боли.

— Ради него? — переспросила она. — Но его нет. Он оставил меня. Он ушёл. И я не знаю почему. Я не знаю, как. Я не знаю, что случилось той ночью. Я только знаю, что он ушёл.

Фрада сжала её руку, чувствуя, как внутри всё сжимается от тяжести тайны, которую она несла. Она не могла сказать правды. Она не могла сказать, что Нолана убила Фрида.

— Он ушёл не потому, что хотел, — сказала она. — Он любил тебя. Ты знаешь это. Ты всегда знала это.

— Тогда почему он не остался? — прошептала Лия. — Почему он не боролся?

Фрада не ответила. Она только обняла её, чувствуя, как та дрожит, как её тело, измученное бессонницей и горем, готово развалиться на части. Она стояла так, держа её, и чувствовала, как её собственная душа медленно трескается под тяжестью лжи.

Ночь опустилась на дом, как тяжёлое одеяло. Лия лежала в постели, глядя в тёмный потолок, и слышала, как за окном шумит ветер. Ей казалось, что в этом шуме есть голос. Она закрыла глаза, и перед ней возникло лицо Нолана — улыбающееся, тёплое, живое. Она протянула руку, чтобы коснуться его, но он исчез, растворился в темноте, оставив после себя лишь пустоту и холод.

— Нолан, — прошептала она. — Где ты? Почему ты не приходишь ко мне?

Тишина. Только ветер за окном. Она повернулась на бок и попыталась уснуть, но сон не шёл. Ей казалось, что она слышит его дыхание, чувствует его присутствие, но когда она открывала глаза, рядом никого не было.

И вдруг она почувствовала, что в комнате кто-то есть. Она открыла глаза и увидела его. Он стоял в углу, у самой двери, и его фигура была почти прозрачной, как дым, который только начал рассеиваться. Он был одет в ту же одежду, что и в ту ночь, — в простую белую рубашку, которая казалась слишком лёгкой для этой осени. Его лицо было бледным, почти невесомым, и в его глазах, тёмных и глубоких, застыла та тихая, бесконечная печаль, которая была красноречивее любых слов. Он был здесь, но его не было. Он был рядом, но между ними лежала пропасть.

Лия села на кровати и замерла. Она смотрела на него, и в её душе смешивались страх и надежда, отчаяние и любовь. Она хотела броситься к нему, обнять его, почувствовать его тепло, но она знала — это бесполезно. Он был призраком. Он был тенью. Он был тем, кого она потеряла навсегда.

— Нолан? — прошептала она, и голос её дрожал. — Это ты? Ты здесь?

Он не ответил. Он стоял неподвижно, и его глаза были устремлены на неё. В них не было ни злобы, ни упрёка, ни любви — только та тихая, глубокая печаль, которая была тяжелее любых слов. Он смотрел на неё, и в этом взгляде было столько боли, что Лия не могла дышать.

— Я вижу тебя, — продолжала она, и её голос становился всё громче, всё более отчаянным. — Я вижу тебя! Почему ты молчишь? Скажи мне что-нибудь! Скажи мне, что случилось! Скажи мне, почему ты ушёл!

Но он не говорил. Он просто стоял и смотрел на неё, и его взгляд был таким же прозрачным, как и его тело, — он был здесь, но его не было. Она видела, как его губы шевелятся, но не слышала ни звука. Она видела, как его руки тянутся к ней, но не чувствовала прикосновения.

Лия спустила ноги с кровати и сделала шаг к нему. Её руки дрожали, когда она протянула их, чтобы коснуться его. Но когда её пальцы должны были коснуться его плеча, они прошли сквозь него — как сквозь туман, как сквозь воду, как сквозь сон.

— Нет! — закричала она, и её голос сорвался на хрип. — Нет! Ты не можешь уйти! Ты не можешь снова уйти!

Она упала на колени, и её тело сотрясало от рыданий. Она смотрела на него, и в её глазах была та смесь боли и отчаяния, которая появляется у людей, когда они теряют всё, что было им дорого. Она чувствовала, как её душа разрывается на части, как её сердце сжимается от боли, как её мир рушится.

— Почему ты не говоришь со мной? — прошептала она. — Почему ты просто стоишь и молчишь? Я не понимаю! Я не понимаю, что ты хочешь мне сказать! Ты пришёл, чтобы мучить меня? Чтобы я сходила с ума?

Он не ответил. Он продолжал стоять в углу, и его глаза были устремлены на неё. В них была та же печаль, что и раньше, но теперь она казалась ещё глубже, ещё более осязаемой. Лия видела, как он поднимает руку, как его пальцы, почти прозрачные, касаются воздуха между ними. Она не знала, что это значило. Она не знала, пытается ли он сказать ей что-то или просто прощается.

Лия закрыла глаза, и когда она открыла их, его уже не было. Он исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь холод и пустоту. Она стояла на коленях в пустой комнате, и её слёзы падали на пол, оставляя на нём тёмные пятна.

Вдруг она услышала шаги за дверью. Фрада вошла в комнату, и её лицо было встревоженным.

— Лия? — спросила она, подходя ближе. — Что случилось? Я слышала крик.

Лия подняла на неё глаза, и в них была та смесь боли и безумия, которая пугала Фраду.

— Я видела его, — прошептала она. — Он был здесь. Он стоял там, в углу. Он смотрел на меня, но он не говорил. Он пытался что-то сказать, но я не могла услышать его.

Фрада опустилась на колени рядом с ней, и взял её за руки. Лицо её было бледным, но она старалась сохранять спокойствие.

— Лия, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ты просто устала. Ты не спала несколько дней. Тебе всё кажется.

— Нет! — закричала Лия, и её голос сорвался на хрип. — Я видела его! Он был здесь! Он стоял там! Почему ты не веришь мне? Я не сумасшедшая! Я знаю, что видела его!

Фрада обняла её, чувствуя, как та дрожит, как её тело сотрясается от рыданий. Она гладила её по голове, чувствуя, как её собственное сердце разрывается от тяжести лжи, которую она несла. Она знала, что Лия не сумасшедшая. Она знала, что Лия действительно видела его. Но она не могла сказать ей этого. Она не могла сказать ей правду. Она могла только держать её, пока та не успокоится.

— Я верю тебе, — сказала она, и голос её была полон той боли, которую она не могла выразить словами. — Я верю тебе. Но сейчас ты должна отдохнуть. Ты должна поспать.

Лия покачала головой, но не сопротивлялась, когда Фрада помогла ей подняться и уложила в постель. Она лежала, глядя в потолок, и её глаза были пустыми, как зимнее небо. Она не плакала. Она не говорила. Она просто лежала и ждала, когда он вернётся. Она знала, что он вернётся. Он не мог оставить её. Он не мог уйти навсегда. Он был с ней. Он всегда был с ней.

Фрада сидела рядом, держа Лию за руку, и чувствовала, как её собственная душа медленно трескается под тяжестью тайны. Она знала, что должна была сказать ей правду. Она знала, что Лия имеет право знать, кто убил Нолана. Но она не могла. Не сейчас. Не сегодня. Завтра — свадьба. Завтра всё изменится.

За окном ветер продолжал шуметь, и в его шуме Лии слышалось одно и то же: голос, который зовёт. Голос, который нельзя услышать, но можно почувствовать. Голос, который останется с ней до самого конца. Она закрыла глаза, и перед ней снова возникло его лицо — бледное, прозрачное, печальное. Она протянула руку, чтобы коснуться его, но он исчез, растворившись в темноте, как утренний туман.

— Я не хочу этого, — прошептала она в пустоту. — Ты слышишь меня? Я не хочу.

Тишина. Только ветер. И где-то вдалеке, за гранью этого мира, она почувствовала его ответ — тихий, почти неощутимый, как дыхание умирающего. Он был с ней. Он всегда будет с ней. И этого было достаточно, чтобы не сойти с ума окончательно.

Глава 6

«День обручения»

Утро свадьбы началось с того, что Лия проснулась от звука шагов в коридоре. За окном ещё только брезжил рассвет — серый, холодный, как и все дни этой осени, которые она помнила после той ночи. Она лежала неподвижно, и её глаза были открыты, но она не видела потолка, не слышала птиц за окном, не чувствовала холода, проникающего сквозь щели в рамах. Она слышала только тишину — ту самую, которая стала её постоянной спутницей, и которая, казалось, с каждым днём становилась всё гуще, всё более осязаемой.

Она не хотела вставать. Она не хотела одеваться. Она не хотела идти к алтарю, к тому человеку, чьё имя она будет носить, чьё лицо она будет видеть каждое утро, чьи руки будут касаться её тела. Она хотела только одного — чтобы этот день никогда не наступил. Но он наступил. И она должна была жить в нём.

В дверь постучали. Тихо, почти робко — как будто стучавший боялся нарушить ту хрупкую тишину, в которой она пряталась.

— Лия, — голос Фрады звучал мягко, но в нём слышалась та особая настойчивость, которая появляется у людей, когда они знают, что должны сделать то, что должны. — Пора вставать. Я принесла тебе завтрак. Ты должна поесть.

Лия не ответила. Она продолжала лежать неподвижно, и её глаза были устремлены в одну точку. Ей казалось, что если она не шевельнётся, если она не сделает ни одного движения, время остановится. Но время не остановилось. Оно текло, как вода, и она чувствовала, как оно уносит её к тому моменту, которого она боялась больше всего.

Фрада вошла в комнату и поставила поднос с чашкой чая и куском хлеба на прикроватный столик. Она села на край кровати и взяла Лию за руку. Её пальцы были тёплыми — единственное тепло в этой холодной комнате.

— Ты должна встать, — сказала она. — Ты должна одеться. Ты должна пойти туда. Я знаю, что ты не хочешь. Я знаю, что тебе больно. Но ты должна пережить этот день. Я буду рядом. Я всегда буду рядом.

Лия медленно повернула голову и посмотрела на неё. В её глазах была та пустота, которая пугала Фраду, но в ней не было ни страха, ни боли — только бесконечная усталость.

— Я знаю, — сказала она, и голос её звучал глухо, как из-под воды. — Я знаю, что должна. Но я не знаю, как.

Фрада сжала её руку.

— Я помогу тебе, — сказала она.

В доме уже кипела суета. Слуги носились по коридорам, их шаги звучали гулко и торопливо, и их голоса, приглушённые и взволнованные, смешивались с запахом свежеприготовленной еды и воска, которым натирали мебель. Маккена была в своей стихии. Она носилась по дому, отдавая распоряжения, поправляя скатерти и проверяя, всё ли готово к приезду гостей. Её лицо, обычно такое сдержанное и спокойное, сегодня сияло предвкушением. Она была уве-

рена, что этот день станет началом новой жизни для Лии, что брак с Мелетием принесёт ей счастье и защиту. Она не замечала той пустоты, что была в глазах дочери, не замечала её молчаливой боли. Она видела только то, что хотела видеть.

Никанор стоял у окна в гостиной, заложив руки за спину, и смотрел на сад, где ветер качал голые ветви старых дубов. Его лицо было спокойным, но в его глазах мелькала та тень сомнения, которую он не позволял себе высказать вслух. Он не был уверен, что этот брак — правильное решение. Он видел, как страдает Лия, и чувствовал, что в этом было что-то не так. Но он не вмешивался. Он доверял Маккене.

Фрада, стоя у двери в комнату Лии, смотрела, как служанки укладывают волосы невесты, как затягивают шнуровку на корсете, как надевают на неё то самое белое платье с жемчугом. Лия стояла неподвижно, как манекен, и её лицо было пустым, как зимнее небо. Она не смотрела на своё отражение в зеркале. Она смотрела сквозь него.

В часовне тем временем уже шла подготовка. Меер, облачённый в праздничную рясу, стоял у алтаря и перебирал в руках чётки. Его лицо было бледным и сосредоточенным. Он знал, что этот день был неправильным. Он знал, что Лия не должна выходить замуж за Мелетия. Он знал, что её сердце принадлежит другому. Но он не мог остановить это. Он мог лишь выполнять свою роль — ту, которую от него требовали.

Часовня была украшена белыми розами, их лепестки, ещё влажные от утренней росы, были разбросаны по каменному полу, и их аромат смешивался с запахом ладана и воска. Свечи горели на всех подсвечниках, их свет, золотистый и тёплый, отражался в витражах, создавая причудливые узоры на стенах. Всё было готово. Всё было красиво. Всё было неправильно.

Когда в часовню вошёл Мелетий, он был одет в дорогой камзол из тёмно-синего бархата, и его лицо сияло уверенностью. Он улыбался гостям, кивал знакомым, обменивался приветствиями. Он был в своей стихии. Он был победителем. Он получил то, что хотел.

Гости уже собирались в часовне, их голоса, приглушённые и взволнованные, наполняли пространство. Кто-то шептал о красоте невесты, кто-то обсуждал щедрость Мелетия, кто-то просто ждал, когда начнётся церемония. Всё было как в обычной свадьбе — всё, кроме одного: невесты, которая должна была идти к алтарю, и которая не хотела этого.

Когда Лия появилась на пороге часовни, все обернулись. Она стояла неподвижно, и её лицо было бледным, как полотно. Её платье белоснежным облаком струилось по фигуре, и жемчуг на корсете тускло поблёскивал в свете свечей. Она была красива. Так красива, что многие гости замерли, забыв дышать. Но в её глазах была та пустота, которая пугала тех, кто смотрел на неё достаточно долго.

Никанор взял её за руку. Его ладонь была тёплой и надёжной — единственная опора в этом мире, который рушился вокруг неё. Он посмотрел на неё, и в его взгляде была та тихая, отцовская любовь, которая не требовала слов.

— Я рядом, — сказал он тихо. — Ты справишься.

Лия кивнула, и её губы дрогнули, но она не произнесла ни слова. Она позволила ему вести себя к алтарю, и каждый шаг давался ей с трудом, как будто она шла не по каменному полу, а по воде.

Церемония началась. Меер читал слова, которые произносил уже сотни раз, но сегодня они звучали по-новому — тяжело, как приговор. Лия стояла напротив Мелетия, и её глаза

были устремлены на него, но она не видела его. Она видела только того, кого не было рядом. Она слышала голос Меера, и он переплетался с другим голосом — голосом из той ночи, когда она стояла здесь же, в этой же часовне, перед Ноланом. Тогда слова были другими. Тогда они были полны надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.